

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ТОК. ВНУТРИ УБИЙЦЫ.
ТРИЛЛЕРЫ О ПСИХОЛОГАХ-ПРОФАЙЛЕРАХ»:**

- Майк Омер «Внутри убийцы»
Майк Омер «Заживо в темноте»
Майк Омер «Глазами жертвы»
Майк Омер «Как ты умрешь»
Майк Омер «Сеть смерти»
Майк Омер «Дом страха»
Майк Омер «Тринадцатая карта»
Майк Омер «Гибельное влияние»
Майк Омер «Скрытые намерения»
Майк Омер «Пламя одержимости»
Виктор Метос «Жена убийцы»
Виктория Селман «Границы безумия»
Мэри Бёртон «Последний ход»
Изабелла Мальдонадо «Шифр»
Виктор Метос «Ночные твари»
Мэри Бёртон «Последнее испытание»
Изабелла Мальдонадо «Високосный убийца»
Лайза Рени Джонс «Поэзия зла»
Виктор Метос «Лживая правда»
Ребекка Дзанетти «Одиннадцать подснежников»
Аманда Кайл Уильямс «Профиль незнакомца»

АМАНДА КАЙЛ УИЛЬЯМС

ПРОФИЛЬ НЕЗНАКОМЦА

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
УЗ6

Amanda Kyle Williams
THE STRANGER YOU SEEK
Copyright © 2011 by Amanda Kyle Williams;
www.amandakylewilliams.com

Художественное оформление Ю. Девятовой

Уильямс, Аманда Кайл.

УЗ6 Профиль незнакомца / Аманда Кайл Уильямс ; [перевод с английского А. В. Бушуева, Т. С. Бушуевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. — (Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах).

ISBN 978-5-04-190075-5

Атланта, штат Джорджия. В изнуряющую летнюю жару у жителей столицы буквально стынет кровь в жилах. В городе охотится на людей серийный убийца, равного которому по жестокости здесь еще не было. Самоуверенный и наглый, этот зверь шлет издевательские письма в СМИ, обещая новые смерти. И пока что не оставил после себя ни единого следа...

Отчаявшись остановить маньяка своими силами, лейтенант полиции Аарон Раузер обращается к единственному человеку, который может проникнуть в безумный разум: Кей Стрит, бывшему профайлеру ФБР и бывшей алкоголичке. Давно уволившись из Бюро, она ведет новую жизнь, далекую от охоты за серийными убийцами. Но отказать старому другу не может. Тем более что для Кей ясно – бывших профайлеров не бывает...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С., перевод
на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190075-5

*Посвящается
Анне Скотт Уильямс,
источнику моего вдохновения,
и Донни Кайлу Куинну,
который помог посеять это семя*

Солнце еще не успело высушить росу с травы под виргинскими дубами, а воздух уже был таким вязким и мутным, что в нем можно было плавать. Стоял мертвенный летний зной.

В припаркованной на ее улице машине, которую она еще не заметила, терпеливый охотник вытер с лица струйку пота, наблюдая за тем, как Уэстмор-драйв начинает свой сонный бег к середине недели.

Окна небольшого кирпичного дома с белыми ставнями распахнулись около семи, и она впервые появилась в виде смутного силуэта за кухонным окном — почти абстрактный образ за стеклом и противомоскитной сеткой, но тем не менее предмет его желания. Из ее окон доносился запах готовящейся еды — жареного бекона, тостов и кофе, — и убийца впервые за это безмятежное летнее утро ощутил приступ голода.

Где-то в десять на улице стало тихо. Последний сосед уехал на работу, как всегда ровно в 9:50. Запахи из кухни Лэй Кото — так зовут эту женщину — изменились: вместо ароматов обычного завтрака теперь пахло чем-то другим, капустным и вонючим.

Дверца машины открылась. За этим последовали шаги по бетонной дорожке, портфель, хорошая обувь, белоснежная улыбка, визитка.

Они всегда открывают дверь.

1

Меня зовут Кей Стрит. Имя досталось мне от моего азиатского дедушки, а мои приемные родители наградили меня фамилией. По профессии я частный детектив — вернее, судебный пристав и агент по взысканию залогов. По жизни я завязавший алкоголик, страстно верю в чизбургеры «Кристалл» и пончики «Криспи крим». А еще я бывший профайлер — поведенческий аналитик ФБР. Как я оказалась здесь, на юге, где в большинстве районов Джорджии в глазах местных жителей выгляжу как гребаная иностранка и вообще говорю как последняя деревенщина, остается загадкой, которую Эмили и Говард Стрит так мне и не раскрыли. Знаю только, что они так сильно хотели ребенка, что взяли из приюта и удочерили тощую девчонку китайского происхождения с сомнительными генами. Мои дедушка, бабушка и опекуны были убиты, а моими биологическими родителями были два наркомана и одна исполнительница экзотических танцев. Я их не помню. Вскоре после моего рождения они пустились в бег. Я в состоянии произнести лишь пару слов по-китайски, но моя приемная мать, Эмили Стрит, как никто другой из известных мне людей владеющая искусством намеков, научила меня изящному, пассивно-агрессивному языку женщин-южанок. Родители пытались обзавестись симпатичным белым мальчиком, но было в прошлом моего отца нечто такое, чем они всю мою жизнь наотрез отказывались делиться со мной, из-за чего они получили отказ. Мне потребовалось

не слишком много времени, чтобы понять: южане — чрезвычайно скрытные люди.

Я еще в детстве полюбила Юг, всегда страстно любила его и люблю до сих пор. Вы учитесь прощать его за ограниченный ум и проблемы переходного возраста, потому что у него широкое сердце. Вы прощаете ему душное лето, потому что весна пышна и радует глаз россыпью пастельных тонов, потому что ноябрь изумляет пламенем пурпурной и золотой листвы, потому что зима коротка и милосердна, потому что кукурузный хлеб, сладкий чай и жареный цыпленок — такая же важная часть воскресенья, как нарядное платье для церкви, и потому что любой южанин, достойный своего имени, всегда говорит «пожалуйста» и «спасибо». Это легкий воздух и летние лозы, сосновые леса и мясистые домашние помидоры. Это возможность сорвать с персикового дерева плод и дать сладкому соку стекать по подбородку. Это скрытая, но глубокая симпатия к нашим соседям в Алабаме, которые вынуждены терпеть основную тяжесть шуток про Баббу¹. Юг проникает к вам в кровь, обоняние и через кожу пробирается до самых костей. Я в меньшей степени часть Юга, нежели он — часть меня.

Это романтическое понятие, подкрепленное географией. Но мы все здесь слегка мечтательны. Мы — Ретт Батлер, Скарлетт О'Хара и Роза Паркс в одном лице.

У моего афроамериканского брата Джимми — родители усыновили его через два года после моего появления в их семье — был совершенно другой опыт. Не будучи белыми, мы оба не раз становились жертвами невежества и стереотипов, но даже это, похоже, сработало в мою пользу и против Джимми. Люди часто удивлялись тому, что я говорю по-английски, а мой южный акцент их просто очаровывал.

¹ «Старина Бабба» — олицетворение невежества и косности белого населения в маленьких городах или сельской местности южных штатов США.

Они также считали, что мое азиатское происхождение ставит меня на уровень выше среднего. От меня ждали успехов и поощряли в стремлении к ним. Но те же самые люди ночью перешли бы на другую сторону улицы, лишь бы не делить тротуар с моим братом, полагая, что, будучи черным мужчиной, он крайне опасен. Джимми перенял у нашей матери прибрежный каролинский акцент, типичный для белых южан в белом районе, еще в то время, когда разнообразие не было поводом для гордости. В результате он не вписывался ни в одно сообщество — и, учась в старших классах, подал заявления в несколько университетов Западного побережья и тщательно спланировал свой побег. Джимми мастер по части планов. Он осторожен во всем. У него идеальная кредитная история, его никогда не увольняли с работы, он не имел проблем с наркотической зависимостью и ни разу, перебрав спиртного, не летел по Пятой авеню в Нью-Йорке, высунув голову из люка в крыше лимузина и крича «Эй, вы все», как это делала я. Джимми — хорошо воспитанный ребенок. Сейчас он живет в Сиэтле, и даже обещание маминога пирога-коблера с начинкой из ежевики не способно заманить его домой в Джорджию.

Как я оказалась здесь этой ночью, крадучись вдоль старого каркасного крыльца и сжимая обеими руками свой 10-миллиметровый «Глок», это совершенно другая история, — но да, я прижималась телом к дому, и к моей спине, обтянутой черной футболкой, прилипла облупившаяся краска. Когда-то меня звали специальным агентом Стрит. Звучит красиво, правда? Я была превосходно подготовлена для такого рода работы, провела массу времени в полевых условиях и в конце концов получила направление в Национальный центр анализа насильственных преступлений (НЦАНП) в Куантико в качестве аналитика по уголовным расследованиям, специалиста-профайлера. Через несколько лет ФБР отобрало у меня пропуск и пистолет и вру-

чило мне уведомление о разводе. «У вас есть мозги и талант, доктор Стрит. Но вам не хватает сосредоточенности».

Помню, в тот момент я еще подумала, что единственное, чего мне действительно не хватало, так это стакана хорошего виски, что, разумеется, и было частью проблемы.

В тот день меня сопроводили в гараж ФБР, где под углом к линии между двумя парковочными местами стоял мой старый кабриолет «Импала» 1969 года выпуска, белый на белом, и длиной около полумили. Выпереть одного специального агента — вернуть два парковочных места. Шикарная сделка.

И вот, четыре года спустя, я прошла под занавешенным передним окном дома и беззвучно поздравила себя с этим достижением. Скрипнуло гнилое крыльцо. По оконным стеклам плясали отблески экрана включенного телевизора; звук был приглушен настолько, что я едва могла его разобрать. Подождала, застыв и прислушиваясь к любому движению внутри, затем вытянула шею и попыталась заглянуть за занавески. И увидела очертания человека. Оп-па! Да еще какие!

Подобные задания — та еще работенка. Поручители не сидят на месте. Нужно рискнуть и войти при первой же возможности. Времени на изучение места, привычек, посетителей — нет. Я была здесь одна, без всякой поддержки, вся холодея от страха. Сердце колотилось в груди как бешеное, адреналин бил как струя воды из пожарного шланга. Я даже чувствовала его вкус. Миндаль и сахарин. Я была напугана до чертиков, но мне это даже нравилось.

2

Уличные фонари были погашены, ночь завернулась в тонкие белые облака, которые отбрасывали слабый свет на заросший сорняками двор и удерживали зной, как одеяло. Атланта летом — удушающая и сырая. По причине вздернутых

нервов и влажной духоты по лицу градом катился пот — от линии роста волос на потемневшие скулы. Я была в гриме и одета для ночной работы. Присев у входной двери, порылась в своем черном холщовом рюкзаке, нащупывая Тома. Во всяком случае, я называла эту штуку «Том», как в том выражении «Любопытный Том», — 36-дюймовую оптоволоконную трубку с миниатюрным экраном на одном конце и электронным глазом на другом. На такой работе Том избавляет от многих ошибок. Покрутив, я засунула крошечную трубку под дверь и довольно неплохо разглядела переднюю комнату.

Объект наблюдения, рецидивист Антонио Джонсон, неоднократно совершал насильственные преступления. Он гулял на свободе уже два месяца после того, как снова ограбил магазин. Три недели назад я выследила его в Канаде, но потом потеряла след. Однако его бывшая жена жила в Атланте, и Джонсон уже преследовал ее в прошлом. В ее доме вновь начались телефонные звонки, и звонивший бросал трубку. Благодаря помощи друга из полицейского управления Атланты эти звонки удалось отследить. Они привели к телефону-автомату в задрипанном мотеле в Вест-Энде Атланты, где всю торговали крэком. Я нашла там людей, которые знали Джонсона. Один из них сдал его всего за тридцать долларов. Джонсон нашел себе пристанище в доме на Джонсборо-роуд, недалеко от бульвара и федеральной тюрьмы. Там даже местные жители проверяют на светофорах двери своих машин, а народ, что ездит на работу из других мест, после наступления темноты обходит этот квартал стороной.

Я видела его на трехдюймовом экране: он сидел на равном диване, закинув ноги на край деревянного журнального столика. Похоже, один. В правой руке пиво, левая лежит на коленях и частично скрыта из поля зрения. Ты что-то там прячешь, бугай?

Во влажном воздухе, над сладковатым, тошнотворным запахом мусора и кислоты пустых пивных банок, над крыль-

цом витал дрянной запашок чего-то синтетического вроде суперклея и пенопласта.

Я сняла пистолет с предохранителя и постучала во входную дверь. Я собиралась задействовать свой лучший голос попавшей в беду женщины, готовясь сказать, что мне нужен телефон, или, что я проколола шину, да что угодно, лишь бы мне открыли дверь. Я не была уверена. Я научилась импровизировать с тех пор как стала работать одна.

Джонсон не колебался ни секунды. В свой крошечный окуляр я мельком увидела, как за секунду до того, как в двери рядом с моим ухом он проделал дыру размером с мяч для софтбола, у него на коленях что-то дернулось. Грохот выстрела был сродни пушечному. Дверь разлетелась в щепки, а я, слегка оглушенная, мигом соскочила с крыльца на более безопасную территорию.

Еще один выстрел. Передние окна как будто взорвались. Осколки разлетелись во все стороны, словно шрапнель. Я сжалась в комок рядом с крыльцом. Почувствовав на шее и руках уколы, поняла, что порезалась, но тут же приподнялась — на достаточную высоту, чтобы выстрелить в сторону переднего окна. В мои планы не входило его пристрелить. Лишь припугнуть, чтобы он слегка отступил...

Затем наступила тишина.

Пригнувшись, я поднялась по ступенькам крыльца и подобралась к двери. По-прежнему тихо. Я попыталась просунуть руку в дыру в двери, дотянуться до замка и отпереть ее. Вот тогда-то я услышала его. Дробовик. Проклятый помповый механизм. И если вы когда-нибудь слышали этот звук, то никогда его не забудете. Цевье скользит назад, одна гильза выбрасывается, другая входит в патронник, затвор защелкивается. Если у вас набита рука, это занимает доли секунды, а у Джонсона было предостаточно практики.

Я прижалась спиной к дому, вздохнула и мгновение выждала. В таких ситуациях быстрая проверка реальности ни-

когда не бывает лишней. Неужели я и вправду хотела, чтобы в ходе поимки этого парня меня грохнули? Черт, нет, только не это. Но жажда адреналина одержала верх. Выброс адреналина, какой всегда случается в такие моменты, толкнул меня вперед, а не назад, что, возможно, наиболее наглядно иллюстрирует разницу между теми из нас, кто занимается подобными вещами, и нормальным населением.

Бум! Джонсон вновь выстрелил из дробовика. Я почувствовала это ногами. Примерно так же содрогается земля во время фейерверка. Вероятно, он сам делал себе патроны. Одному Богу известно, чем он стрелял в меня. Вылетел еще один кусок дверного полотна. Затем последовал треск очереди из автоматического оружия.

На счет три, сказала я себе...

Один... Два... Два с половиной... Две и три четверти. Твою мать! Три!

Я спрятала все, что у меня было, за одним из черных армейских ботинок, которые надеваю для таких случаев, и прицелилась в место прямо над ручкой входной двери. Расколотая и распахнутая, она уже не оказывала сопротивления. Я прижалась спиной к дому и стала ждать.

Тишина.

Сжимая обеими руками рукоятку «Глока», слыша, как в груди громко колотится сердце — так, что я чувствовала, как у воротника рубашки пульсируют вены, — я вышла из-за угла и оглядела переднюю комнату, гостиную, совмещенную со столовой. За ней были видны кухня и коридор. Я прикидывала, где тут место для двух спален и ванной. Прежде чем сделать шаг, какое-то время потопталась снаружи, считая двери и окна. Так где же он? В спальне? В коридоре?

Затем — хлоп, хлоп, хлоп. Я упала на пол, вкатилась в крошечную столовую и выпустила несколько пуль — на тот случай, если у него возникнут какие-либо мысли о том, чтобы найти меня.

— Я пристав! Взыскание залога, мистер Джонсон! Бросайте оружие и выходите с руками за головой. Немедленно!

— Цыпочка? — крикнул в ответ Джонсон и рассмеялся. — Даже не подумаю!

Затем я услышала, как открылась задняя дверь и хлопнула противомоскитная сетка на ней. Я бросилась на кухню: дверь была наполовину сорвана с петель, а дальше за ней в темноте подпрыгивали белые буквы на футболке Джонсона, бежавшего через задний двор к забору. Я метнулась во двор и не без удовлетворения наблюдала за тем, как Джонсон приближается к забору и калитке. Я оставила там кое-что на такой случай, что с моей стороны было весьма предусмотрительно.

Результат не заставил себя долго ждать. Это был крошечный дворик с забором из сетки-рабицы и подковообразным рычагом на калитке. Джонсон схватился за забор, и как только попытался перемахнуть через него, бело-голубая вспышка взрыва отбросила его назад. Просто немного черного пороха, небольшое количество вазелина, батарейка и пара проводов, плюс несколько фейерверков, чтобы остудить его прыть. На расстоянии пяти футов в ушах зазвенело. Пару секунд мне пришлось пробиваться сквозь миллион крошечных лампочек-вспышек.

Джонсон лежал неподвижно, как слизняк. Держа наготове «Глок», я осторожно приблизилась к нему и проверила его на предмет признаков жизни. Дыхание нормальное. Просто вырубился. Я вытащила из-под него его большие руки. Ладони были обожжены.

— Я не думала, что все будет так драматично, — сказала я его обмякшему телу, застегивая на запястьях наручники и продевая вокруг талии и через наручники ремень. — Просто я ни хрена не смыслю во взрывчатых веществах. — И перевернула его на спину.

Затем, держа в каждой руке по ботинку тринадцатого размера, я попыталась тащить его. Черт. Этот тип весил, по